

Алексей Александрович Ростовцев
Резидентура. Я служил
вместе с Путиным
Серия «Мемуары под
грифом «секретно»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22468216

Ростовцев, Алексей. Резидентура. Я служил вместе с Путиным:

Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906880-59-8

Аннотация

Полковник Алексей Ростовцев с 1965 по 1987 год служил в различных разведывательных подразделениях представительства КГБ в ГДР. В середине восьмидесятых годов он курировал деятельность Дрезденской резидентуры КГБ, одним из оперативных сотрудников которой был Владимир Путин. Автор откровенно и подробно рассказал не только о своих коллегах и подчиненных, но и о специфике повседневной жизни и деятельности оперативных сотрудников резидентур КГБ в Восточной Германии, которые занимались самой трудоемкой и опасной работой – поиском и вербовкой агентуры.

Содержание

Книга первая	5
Начальники	7
Коллеги и я сам	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Алексей Ростовцев

Резидентура. Я служил вместе с Путиным

*Посвящаю эту книгу моей жене Татьяне,
напечатавшей одним пальчиком все мои рукописи.*

© Ростовцев А., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Книга первая

Резидентура

Представительство КГБ в ГДР имело статус самостоятельного управления КГБ. До начала войны в Афганистане оно было нашей крупнейшей разведывательной загранточкой. Представительство полностью дублировало структуру Центрального аппарата советской разведки и подчинялось ей в оперативном плане. В административно-кадровом плане оно подчинялось непосредственно руководству КГБ СССР. Помимо аппарата в Берлине, Представительство имело еще четырнадцать небольших резидентур, число которых соответствовало числу административных округов ГДР.

Я знаю Представительства по периоду с 1965 по 1987 год. Об этом периоде и буду писать.

Любая спецслужба является точным сколком общества, ею обслуживаемого. Поэтому можно утверждать, что Представительство в указанный период проделало ту же самую эволюцию, какую проделали наша страна и наше общество.

Один из моих знакомых кадровиков, человек беспрельно циничный, любил повторять известный афоризм: «Главное – это не работа, а отношения». Вот я и напишу не о работе, а о людях и отношениях между ними. Для дураков и подлецов это станет раскрытием самых страшных тайн, для

людей умных и порядочных – чем-то вроде развлечения.

Наши установочные данные не были секретом для немецких друзей, но все-таки придется отдельные фамилии изменить. Не хочу, чтобы дети и внуки полудурков и мерзавцев думали плохо о своих отцах и дедах. Впрочем, могут быть случаи, когда возникнет необходимость зашифровать имена людей, вполне достойных. Давайте договоримся так: если фамилия изменена, то она будет под звездочкой.

Начальники

Если вы спросите у седого ветерана разведки, от кого ему досталось в жизни больше лиха – от противника или от начальников, – ответ будет один: от начальников.

Начальники бывают непосредственные и все прочие. А еще бывают разные кураторы, контролеры, проверяльщики, ревизоры, помогальщики, приезжающие за границу с целью обновления гардероба, но под предлогом повышения уровня оперативной деятельности на данном конкретном участке. Эта вертикаль власти громоздится над бедным опером, как пирамида Хеопса над жуком-скарабеем, который прилежно катит в свою норку комочек дерьма, из коего надлежит сделать конфетку.

Откуда берутся начальники? Тут возможна масса вариантов.

Вариант 1. От человека хотят избавиться из-за его мерзопакостности и поэтому переводят куда-нибудь подальше с повышением.

Вариант 2. Психическая патология – желание властвовать, повелевать, изголяться. Это отклонение от нормы. Нормального человека власть тяготит, ибо отвлекает его от любимого дела.

Вариант 3. Блатной дурак. Ничего не умеет делать, может быть только начальником.

Вариант 4. Выходец из косяка, стаи. Докарабкался до большой власти кто-то из кодлы и тут же сделал начальниками поменьше всех своих дружбанов.

Вариант 5. Попал в струю. Бывает так: выступил ты удачно на оперативном совещании в духе требований времени, глянулся руководству – и тебя повысили.

Вариант 6. Жадность. Человек идет во власть, чтоб сподручней было красть. Должен заметить, что в разведке особенно не разворуешься. Однако при наличии больших способностей по этой части можно и тут поживиться.

Вариант 7. Удачный выбор родителей. Никто не станет оспаривать того факта, что у генеральского сына шансов преуспеть в жизни больше, чем у не уступающего ему по способностям сына сельского ветеринара.

Вариант 8. Спаивание кадровиков. Кадровик, незаметный, замухрышный человечешко, может в нужный момент подсказать начальству, кого куда продвинуть.

Вариант 9. Умение строить отношения с руководством. Тут возможны подварианты – от ординарного подхалимажа до выдумывания себе одного с начальством хобби.

Вариант 10. Обольщение безобразной и больной дочери большого начальника с последующей женитьбой на ней.

Вариантов этих бесконечное множество. А то ведь бывает и так, что человека выдвигают по способностям. Как раз в разведке такой вариант не редкость.

Я прибыл в Представительство с далекой периферии в ав-

густе 1965 года. До этого служил в чечено-ингушской контрразведке в г. Грозном. Еще раньше преподавал немецкий язык и зарубежную литературу в Грозненском педагогическом институте, куда попал после окончания Ростовского университета.

В КГБ Чечено-Ингушетии сложился в то время отличный коллектив. Это был, собственно, даже и не коллектив в казенном понимании слова, а боевое чекистское братство, в котором были еще сильны традиции эпохи Дзержинского. И когда мы 20 декабря, в день основания ЧК, садились за праздничный стол в нашем клубе (кстати, обязательно вместе с женами), то, глядя на нас со стороны, можно было бы подумать, что за столом этим собралась огромная и очень благополучная семья. И с начальниками мне в Грозном везло. Каждый из них был, выражаясь словами Лермонтова, «слуга царю, отец солдатам». В Германии для меня начались иные времена.

Сразу же по прибытии в Берлин я был направлен для дальнейшего прохождения службы в Галльскую резидентуру Представительства. Все такие резидентуры официально назывались разведгруппами, а резидент именовался старшим офицером связи, поскольку в его функции, помимо руководства резидентурой, входила координация деятельности всех советских спецслужб, дислоцированных или задействованных на территории округа (в данном случае речь идет о подразделениях ГРУ и военной контрразведки), а также орга-

низация контактов с друзьями.

В Берлине меня предупредили, что Галльская разведгруппа штрафная, что я буду там единственным офицером, не имеющим ни служебного, ни партийного взыскания, и что именно по этой причине мне предстоит стать партийным секретарем нашкодившего подразделения. Мне был тогда 31 год. Мое воинское звание было старший лейтенант. Средний возраст оперсостава Представительства в 60-е годы соответствовал моему возрасту. Все это были молодые, здоровые, симпатичные, толковые мужики, полные энергии и заряженные оперативным азартом. Но речь пойдет пока не о них, а о начальниках.

За пару недель до моего появления в ГДР в Галльской разведгруппе случилось ЧП: упился до белой горячки один из сотрудников. Его вылечили и уволили из органов, старшего офицера связи откомандировали на родину, троим оставшимся объявили кому по строгому, кому по простому выговорешнику за участие в попойках и за доноительство.

В ходе беседы со мной начальник группы кадров Представительства полковник Дряхлов, старший и мудрый человек, поинтересовался:

– Пьешь?

В органах на подобный вопрос принято отвечать: “Умеренно, в компании и по праздникам”. Так я и ответил. Дряхлов покачал головой.

– Здесь придется выпивать часто. Немецких друзей уго-

щать, агентуру, объектов разработки. Они тебя тоже будут угощать. Опять же праздники – наши и немецкие. Однако спиртными напитками следует пользоваться умеючи и пить их, не спиваясь.

Вооруженный этим отеческим напутствием, я и приступил к работе на порученном участке в древнем ганзейском городе Галле, расположенном у пересечения почти всех дорог маленькой страны, которая играла тогда одну из ключевых ролей не только в европейском, но и в мировом политическом интриганстве.

Вскоре в Галле приехал еще один новый сотрудник, совсем зеленый парнишка, не состоявший даже в партии. Назовем его комсомольцем Борей. Таким образом, резидентура к осени 1965 года была полностью укомплектована. Не хватало старшего офицера. Временно его обязанности исполнял некто Арапаев, молодой человек, склонный к прохиндейству, фанфаронству и пустозвонству. Мы его не любили и с нетерпением ждали настоящего законного начальника. «Вот приедет барин – барин нас рассудит», – не уставал повторять третий опер Женя Чекмарев, ставший на долгие годы моим близким приятелем. И «барин»-таки приехал. Нескоро, правда. Полгода ждать пришлось. Я тогда еще не знал, что вокруг каждой вакантной должности старшего офицера в Москве ведется сложная подковёрная борьба и не только потому, что эта должность давала папаху, но и по многим другим причинам.

Подполковник Тавловский появился в Галле где-то в феврале 1966 года. Это был крупный сорокасемилетний мужчина с хмурым обрюзгшим лицом, выглядевший намного старше своих лет. Первым вступил в контакт с Тавловским Арапаев. Случилось это за пределами наших служебных помещений, но по обескураженному виду Арапаева мы поняли, что новый руководитель уже успел намылить ему шею. Вторым был я. Тавловский вызвал меня по телефону на свою квартиру и устроил мне крутой разнос за то, что у него на кухне подтекал кран. Мне досталось на орехи постольку, поскольку я отвечал за быт коллектива. Надо сказать, что за сутки до этого немецкие хозяйственники вместе со мной осматривали квартиру нашего будущего шефа и никаких изъянов не обнаружили. Мне Тавловский не понравился. Я сразу понял, что с таким «барином» нам придется крепко помяться.

В жизни подчиненного непосредственный начальник играет огромную роль. Я имею в виду прежде всего силовые структуры, ибо здесь начальника не выбирают и от него никуда не денешься. Начальник может вознести подчиненного, а может размазать его по стене, как клопа, ибо именно он формирует мнение о подчиненном в руководящих сферах. Уже однажды упомянутый мною кадровик спросил как-то у меня:

– Знаешь, за что тебе платят тут две зарплаты?

И сам же на свой вопрос ответил:

– Первую, в рублях, за работу, вторую, в марках, за то, что ты терпишь начальника.

Явившись на работу, Тавловский потребовал положить на его стол все дела и оперативные подборки разведгруппы, что само по себе было актом вполне естественным. Несколько дней он читал эти материалы, делая многочисленные пометки на полях. И вот настал судный день. Ровно в 8-00 Тавловский ударил кулаком в дверь туалета, где в этот момент находился комсомолец Боря, и зычным голосом скомандовал:

– Кончай срать, Борис! Все – ко мне!

Когда мы заняли места в его кабинете, он окинул нас взглядом Цезаря, покорившего как минимум Египет вместе с Клеопатрой, после чего изрек:

– Все ваши дела – говно. Теперь будем работать по-другому. Заберите свое барахло и ознакомьтесь с моими замечаниями.

О, эти замечания, свидетельствовавшие о напряженной работе незаурядного ума, стоят того, чтобы рассказать о них подробнее. Исполнены они были трудночитаемым, сумасшедшим, рвущимся из-под контроля почерком и содержали в себе либо констатацию («Да ведь он же нам мозги засерает»), либо предположение («Это может кончиться блядством»), либо вопрос («А ты уверен, что она ему не даст?»). Одна же пометка запала в сознание всех членов нашего маленького коллектива навеки. Видимо, Тавловский сделал ее для себя. Просто хотел разобраться в родственных связях

одного из агентов. Думал-думал и в итоге начертал: «Жена “Отто” является братом “Дитера”». Жена является братом! Каково?

Разобравшись с нами, Тавловский отправился к немцам знакомиться, а мы сбились в кучку и принялись активно обмениваться впечатлениями. Быстро сошлись в одном: начальник наш получил должность в соответствии с вариантами 1 и 2. Женя Чекмарев тут же придумал шефу прозвище: Повелитель Метагалактики. Комсомолец Боря настаивал на Хулигане Квакине. Старшее поколение помнит, что это герой известной повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Немцы же прозвали Тавловского Вильдшвайном (дикой свиньей). Это произошло месяца через три после описываемых событий.

Пусть читатель не думает, что всеми четырнадцатью резидентурами командовали одни самодуры да психопаты. Нет! В большинстве случаев это были более или менее нормальные руководители. Просто нам досталась самая несчастливая фишка. Мы черной завистью завидовали своим ближайшим соседям – лейпцигским коллегам. Мы ютились в четырех скромных комнатках, выделенных городским отделом МГБ ГДР. Они сидели в роскошном особняке, принадлежавшем некогда графу Шуленбургу, тому самому, который в 1941 году был послом в Москве и вручил Молотову ноту об объявлении войны, когда война уже бушевала вовсю. У них была связь ВЧ, дававшая возможность в любой момент

передать в Берлин конфиденциальную информацию и поговорить с Москвой, столицами республик и областными центрами Советского Союза. Но главное – это то, что у них был отличный начальник – полковник Николай Флорович Архипов, опытный оперативник и обаятельнейший человек. С Архиповым мне приходилось довольно часто встречаться в 70-е годы, когда он был резидентом в Магдебурге. Должен сказать, что мнение мое о нем осталось неизменным.

Вернемся, однако, к Тавловскому. Еще в те далекие времена я где-то вычитал, что за девять месяцев до рождения нашего начальника его родной Бердянск взяла банда батьки Махно со всеми вытекающими последствиями для жителей и жительниц этого славного городка. В армии Махно воевали преимущественно крестьяне, внуки крепостных. Значит, по генам каждый из них был раб, сорвавшийся с цепи. Эти гены у Тавловского проявлялись четко. А ведь классик сказал, что самый жестокий рабовладелец – тот, который раньше был рабом. Между прочим, я наблюдал, как Тавловский общается с высоким руководством. Куда девался в такие минуты весь его кураж! Он уменьшался в росте, съеживался, голос его становился тихим, лебезящим. Вот поэтому, когда мы жаловались на художества нашего шефа, нам никто не хотел верить. Как разведчик Тавловский обладал достаточно высокой квалификацией, и мы кое-чему у него научились. Конечно, нелегко было доставать жемчужные крупы позитивных знаний из-под вороха матерщины, бессвязных вы-

криков и оскорбительных угроз. Когда у нас появились первые положительные результаты, а положительным результатом в разведке тогда считалась вербовка гражданина капиталистической страны, мы осмелели и стали полемизировать с начальником. Такая полемика обычно перерастала в перебранку или даже в скандал. Мы заметили, что атмосфера скандала – любимая сфера обитания Тавловского. Если скандала долго не было, он начинал скучать, бегать по кабинетам, хватать документы со столов и быстро находил повод для новой ссоры, поэтому каждый из нас старался с утра пораньше уехать по оперативным делам в какой-нибудь отдаленный городишко и до вечера на работу не возвращаться.

В выходные дни Тавловский рвал нервы не только нам, но и нашим женам. Его воскресные планы не всегда совпадали с нашими. Если мы хотели выехать с семьями на природу, то он хотел на рыбалку или на охоту. Один ехать не хотел. Ему нужна была свита. Кстати, рыбак и охотник он был никудышный, потому что постоянными криком и руганью распугивал все живое на сотни метров вокруг себя. Правда, однажды мы поймали с ним пятикилограммового карпа, а если по правде, то карп сам по дурости поймался на одну из наших удочек, когда мы все ушли купаться на другой берег пруда. Помню случай, когда Тавловскому удалось подстрелить зайца. Издавая торжествующие вопли, он погнался за раненым зверьком и разможил ему голову прикладом ружья. Приклад от удара страшной силы разлетелся в щепы.

Это было жуткое зрелище.

С немецкими друзьями Тавловский тоже не мог найти общего языка. И дело было не только в том, что от него исходили мощные пучки отрицательной энергии, побуждавшие любое живое существо обходить нашего шефа стороной. Тавловский очень плохо говорил по-немецки. Его языковые перлы били по моим барабанным перепонкам, как пушечные выстрелы. Напоминаю, что по гражданской специальности я филолог-германист. А каково было немцам? Правда, у Тавловского была секретарша, немка из фольксдочей одинаково хорошо владевшая обоими языками. Но ее допускали только до бесед с грифом «для служебного пользования». Когда планка поднималась до уровня «секретно» и выше, разговор приходилось вести самому. Часто бывало так, что после такого разговора кто-либо из немцев звонил по своей оперативной связи мне или Арапаеву и просил узнать у Тавловского, что он хотел им сказать.

– Почему же ты сам не сделал этого? – возмущались мы.

– Он все равно не смог бы объяснить, – отвечал немецкий друг.

Приходилось идти к Тавловскому и молотить дипломатичный вздор на предмет того, что вот, дескать, друзья просят уточнить один маленький момент его беседы с ними. Шеф яростно сопел, сверкал очами, ругался, но в конце концов разглашал тайну своих переговоров, которая и передавалась друзьям в доступном для понимания виде. Вскоре Арапаев

уехал, и все шишки подобного рода стали валиться на меня одного. Вести бытовые беседы с друзьями Тавловскому помогала жена, в прошлом учительница немецкого языка, очень милая женщина, много моложе его. Прозвище себе она выдумала сама: Клубок нервов. Мы ей сочувствовали и искренне сожалели о том, что начальником к нам назначили Тавловского, а не ее.

Память моя часто выхватывает из далекого прошлого забавные сценки с участием Тавловского.

Вот я стою у входа в горотдел МГБ ГДР и беседую с его начальником майором Хюбелем. Последний только что приехал с банкета, где вместе с нашими военными контрразведчиками обмывал арест очередного западного шпиона. Особисты прицепили к кителю майора советский гвардейский значок и сказали, что это орден Боевого Красного Знамени. Даже соответствующий документ состряпали. Кстати, этот орден действительно походил на гвардейский знак. Майор сияет от упоения славой. Я поздравляю его с высокой наградой. Из-за угла появляется Тавловский. Пальто нарасташку. На голове шапка-ушанка. Одно ухо – вниз, другое – вверх. Жует яблоко. Чавкает. Выплевывает семена. Ни дать, ни взять хулиган Мишка Квакин. Подходит к нам. Тычет пальцем в грудь Хюбеля, спрашивает:

– Wo? (где, мол, взял?)

Я за Хюбеля объясняю, кто его «наградил». Тавловский хохочет.

– Скажи ему, что его об. бали.

Майор обеспокоенно осведомляется:

– Что говорит полковник?

– Полковник говорит, что получить такую награду высокая честь, – «перевожу» я.

Тавловский тут же срывается в крик:

– Ты неправильно переводишь мои высказывания. Не знаешь немецкого языка – не берись за перевод!

Между нами вспыхивает перебранка. Хюбель испуганно пятится к своему офису и исчезает в дверях...

А вот мы с руководством окружного управления МГБ и Народной полиции, с женами сидим за огромным празднично накрытым столом. Отмечается пятидесятая годовщина Октябрьской революции. Банкет в полном разгаре, но мы ждем еще высоких гостей из окружкома СЕПГ (Социалистической единой партии Германии). Я беру со стола посудину с тертым хреном, чтобы приправить им жареное мясо.

– Не жри хрен! – кричит мне Тавловский через стол. – Его будет жрать Зиндерман!

Зиндерман был тогда первым секретарем окружкома и членом Политбюро СЕПГ. Я ставлю хрен на место. Вскоре приходит весть о том, что визит Зиндермана не состоится. Я снова тянусь к хрену.

– Не жри хрен! – опять орет Тавловский. – Теперь его будет жрать Фельфе!

Фельфе был в то время вторым секретарем. Однако он то-

же под благовидным предлогом уклонился от участия в нашем празднестве: желающих пообщаться с Тавловским среди немцев было мало. Когда наш шеф узнал о таком обидном для него решении окружного партийного руководства, он подошел ко мне сзади и сказал тихим, печальным голосом:

– Жри хрен. К нам больше никто не придет...

Поступок у Тавловского всегда опережал мысль. Подобных субъектов можно считать предтечами наших реформаторов 90-х годов. Руководители соседних резидентур быстро раскусили Тавловского. Они стали в открытую над ним издеваться и всячески его подначивать. Однажды ему позволил старший офицер связи из Магдебурга.

– Ну как там дела у тебя в Галле? – поинтересовался он.

– Хорошо идут у меня дела! – похвастался Тавловский.

– Чего же тут хорошего, когда у тебя в Галле нет ничего, кроме картошки, а у меня в Магдебурге в каждой овощной лавке свежую редиску продают.

Тавловский швырнул трубку и выскочил на улицу. Там под парами стояла «Волга», выделенная ему друзьями. В машине сидел шофер Хорст Шуберт, старый гитлеровский вояка, служивший нам столь же ревностно, как и фюреру.

– Хорст, Магдебург, редиска, фарен! – распорядился Тавловский, швырнув шоферу сотню марок.

«Редиска» по-немецки «радисхен», поэтому Шуберт сразу все понял.

– Яволь, геноссе оберст! – радостно рывкнул он и с места в карьер рванул в Магдебург.

На дворе стоял февраль. Мела метель. До Магдебурга от Галле сто километров. Значит, туда и обратно – двести. Проехать такое расстояние по узким, кривым, обледенелым проселкам – задача нелегкая даже для очень опытного водителя. Само собой, никакой редиски в Магдебурге не оказалось. Хорст вернулся поздно вечером ни с чем и потихоньку пожаловался нам:

– Скоро он пошлет меня в Ханой за петрушкой.

К чести Тавловского надо сказать, что он никогда не крал казенных денег и казенных вещей. Руки у него были чистые. Тем не менее он любил получать подарки и очень ревностно следил за тем, чтобы они соответствовали высоте его положения на социальной лестнице. По праздникам немцы вручали нам приветственные адреса и сувениры. Помню, что все к той же пятидесятой годовщине Октября я получил маленький транзисторный приемник, а Тавловский – точную и добротную сработанную копию танка Т-34. Танк был склеен из десяти тысяч спичек. Кто-то из сотрудников МГБ потратил на его изготовление несколько месяцев личного времени. Эта поделка была подлинным произведением искусства. Когда мы садились в машину к Хорсту Шуберту каждый со своим подарком в руках, шеф, подозрительно взглянув на меня, спросил:

– Слушай, почему это тебе дали приемник, а мне соло-

менный танк?

Тщетно я пытался втолковать ему, сколь уникальна вещь, которую ему подарили. Он продолжал сопеть и злиться. Когда покидал Галле, выбросил танк в мусорную корзину. Я его оттуда достал и поставил на сервант в кабинете старшего офицера. Там он и простоял до конца существования ГДР и Представительства.

Книг Тавловский не читал, а подаренные друзьями книги просто вышвыривал в коридор. Я их подбирал, и сейчас они занимает почетные места в моей библиотеке...

Разведгруппы во все времена поддерживали тесные рабочие контакты с линейными отделами Представительства. Все сколько-нибудь серьезные разработки велись совместно с отделами, поэтому мы часто ездили в Берлин, стараясь решать как можно больше оперативных вопросов не с нашим непосредственным шефом, а с берлинскими товарищами, которые в основной своей массе были опытными разведчиками и хорошими порядочными во всех отношениях людьми, работающими, доступными, всегда готовыми оказать любую помощь.

Особо хочу выделить такого руководителя, как Борис Яковлевич Наливайко, возглавлявшего один из отделов; тут уж никак нельзя обойти стороной и его боевого заместителя – Мариуса Арамовича Юзбашьяна. Они прекрасно дополняли друг друга, хотя характеры и стиль работы у них были совершенно разные. Лед и пламень. Наливайко – спокой-

ный, неторопливый, всегда серьезный, в меру строгий, Юзбашьян – экспансивный, стремительный, веселый, свойский. Сотрудники в частных беседах называли его просто Мариусом. Говорили, будто мать у него русская, будто он не знает армянского языка и будто в годы войны он был то ли сыном полка, то ли сыном какого-то партизанского отряда на Украине. Кабинет Юзбашьяна иногда походил на небольшой кавказский базар. Мариус мог беседовать с десятком людей одновременно. Мысль его работала, как молния. Он мгновенно принимал решения по делам, писал резолюции, раздавал направо и налево советы и подсказки, просматривал свежие агентурки, реагировал на сообщения немецкого радио. А как он умел вдохнуть веру и надежду в павшего духом, поддержать, приободрить! Именно Мариус помог мне завербовать моего первого иностранца, научил и показал, как это делается, за что я буду век благодарен ему, точнее, не ему, а его памяти. В семидесятые годы он стал генералом, председателем КГБ Армении и долго работал на этом посту. В один из девятидесятых годов телевидение донесло до меня скорбную весть: какой-то дашнак застрелил старика Мариуса, когда он гулял около своего дома с собачкой. Я часто его вспоминаю, вижу даже. Он идет мне навстречу через забраный в булыжник двор Представительства, высокий, стройный, красивый человек, машет издали рукой, улыбается:

– Привет, дорогой! Ну как у тебя дела?

А с Борисом Яковлевичем Наливайко мы недавно конспи-

ративно встретились на страницах сборника «Внешняя разведка», где были опубликованы его очерк и мой рассказ. До того конспиративно, что он меня не узнал: ведь я спрятался под своим литературным псевдонимом.

Тавловский очень ревниво относился к нашим деловым, а иногда и дружеским контактам с коллегами из Берлина. Ему бы, дураку, радоваться, что те, помогая нам, выполняют практически значительную часть его работы.

– Ты кому служишь, Мариусу или мне?! – грозно вопрошал он, вызвав на ковер Женю Чекмарева.

– Я служу России и Советской власти, – спокойно ответил Женя.

Тут Тавловский издал странный протяжный звук, похожий на вой шакала. Это была крайняя степень возмущения. Наш шеф не мог допустить даже той мысли, что в мире существует власть, способная покуситься на его прерогативы.

Читатель может спросить: а что же вы целых два года терпели художества Тавловского и ничего не докладывали своему берлинскому начальству? Да не молчали мы! В Берлине о Тавловском знали все или почти все. С ним беседовали, увещевали его, но он после этих проработок еще более озлоблялся против нас. Я с ним тоже неоднократно говорил с глазу на глаз. Все тщетно. Воевать против него было трудно не только нам, но и Берлину. На Тавловского работал ряд факторов. Во-первых, он был номенклатурой Лубянки. Отзыв его на родину означал бы, что Центром допущен грубый про-

счет в подборе руководящих кадров. Ну кто же станет сечь себя самого? Старшим офицерам позволялось многое такое, за что простого опера вышвырнули бы из-за границы мгновенно. Как-то один из окружных начальников сильно поддал в компании немцев и среди бела дня на глазах всего честного народа скатился с крутого бережка в славную реку Эльбу, после чего был прозван Водолазом. Его пригласили на заседание парткома в Берлин.

– Ну как же вы сподобились на такое? – укоризненно говорил партийный шеф. – Ведь на вас немецкие друзья смотрели!

– У советской разведки нет друзей! – хмуро огрызнулся Водолаз.

Эти слова были встречены взрывом хохота. Его пожурили и отпустили с миром.

Во-вторых, наша разведгруппа ходила «в маяках», а для любого начальства – главное, чтоб работа шла. Все остальное – мелочи. Стерпится – слюбится, говорили нам. Никакой заслуги Тавловского в том, что дела наши шли успешно, не было. Ему просто повезло с коллективом и с подсобным агентурным аппаратом, над созданием которого поработали предыдущие поколения галльских чекистов.

В-третьих, в России спор холопов с бариним на протяжении многих сотен лет всегда решался в пользу барина, поскольку холопской солидарности противостояла солидарность барская. Так продолжалось до тех пор, пока холопы не

брались за рогатины. Вот и мы в конце концов взялись за рогатины. От хамства Тавловского уже плакали наши жены и дети. В общем, он нас достал. Закоперщиком бунта пришлось стать мне как партийному секретарю. Решили провести партийное собрание с повесткой дня: «Ленинские нормы взаимоотношений между коммунистами». Восстановление ленинских норм тогда было модной темой, поэтому Тавловский ничего не заподозрил. Я отправился за поддержкой в Берлин к новому секретарю парткома Ивану Никитичу Асауленко. Последний к нашей идее пропесочить Тавловского на партсобрании отнесся вполне серьезно, я бы даже сказал одобрительно. Я пригласил его на собрание, и он пообещал к нам приехать. Присутствие Асауленко было нам на руку. Статус нашего маленького локального бунта повышался. Появился серьезный шанс начистить Тавловскому морду. Конечно, мы понимали, что от нас тоже полетят перья, но делать было нечего. События уже приняли необратимый характер. Количественное преимущество было на нашей стороне. Новому сотруднику, сменившему Арапаева, наш шеф уже успел изрядно потрепать нервы, и он присоединился к заговору. Однако качество оставалось на стороне шефа, ибо самый короткий в мире дисциплинарный устав, разработанный какими-то веселыми лейтенантами задолго до нашего появления на свет, гласит: 1) начальник всегда прав; 2) если он неправ, то в силу вступает пункт 1. Это любимая шутка и немецких военных, наверное, потому, что на немецком язы-

ке она звучит по-армейски энергично, да еще и рифмуется: «Der Chef hat immer recht. Wenn der Chef nicht recht hat, da tritt der Paragraph “eins” in Kraft».

К собранию мы готовились со всей тщательностью. Каждый разучил свою роль. Вместе написали, обсудили и приняли текст моего доклада. Все это совершалось в обстановке глубочайшей конспирации.

Только на середине моего доклада Тавловский понял, в чем дело, и заревел, как раненый медведь, однако Асауленко, оказавшийся, как впоследствии выяснилось, очень добрым и мудрым человеком, тут же его осадил. Началась сеча «зла и ужасна», которая завершилась полным разгромом нашего начальника. Протокол собрания и мой доклад Асауленко забрал с собой в Берлин. Потом оба эти документа ушли в Москву.

А через пару дней к нам пожаловал руководитель Представительства генерал-лейтенант Иван Анисимович Фадейкин, умный, знающий свое дело, но очень жесткий начальник, не случайно прозванный Иваном Грозным. Фадейкин был личностью в полном смысле этого слова. Боевой офицер, дослужившийся в молодые годы до высоких должностей в армии, он стал впоследствии руководителем всей советской военной контрразведки (Третье управление КГБ). Его подстрелили на взлете, и я считаю нужным рассказать об этом. Прощу учесть, что при написании данного мемуарного труда я не пользовался никакими письменными источниками.

ми. Мой единственный источник – это моя память. Пишу о том, что видел сам и что слышал от людей, чьи слова заслуживают доверия.

В Третьем управлении в замах у Фадейкина ходил генерал Георгий Карпович Цинев, маленький коренастый человек с лицом Фантомаса, обладавший могучим задним умом и никогда не снимавший генеральской формы из опасения, что его могут принять за слесаря-сантехника. Иван Анисимович терпеливо ждал того дня, когда Цинев приблизится к своему шестидесятилетнему рубежу, и это, наконец, случилось. Тут-то Карпычу и объявили, что пора ему подумать об уходе на покой. Генералы, однако, пока их не разгрохает паралич, на пенсию уходить не хотят, потому что генерал – это счастье. Так, по крайней мере, говаривал уже неоднократно упомянутый мною кадровик. Узнав о черной задумке Фадейкина, Цинев пошел посоветоваться к свояку, а свояком его был не дядя Вася из-под пивного киоска, а сам Леонид Ильич Брежнев, кстати, почти одногодок генерала.

– Да он с ума сошел, твой начальник, – воскликнул генсек. – Шестьдесят лет – пора расцвета руководителя!

Дальнейшие события развивались стремительно. Фадейкина сослали на дальнюю периферию империи, в Берлин, а Цинев постепенно стал генералом армии и первым заместителем Ю.В. Андропова. Брежнев держал справа и слева от Председателя КГБ своих людишек – Цинева и Цвигуна.

Как-то, уже в 80-е годы, Цинев приехал к нам в ГДР. Про-

чел длинный и занудный доклад, провел оперативное совещание, а в заключение сказал:

– Если у кого-нибудь есть личные просьбы, прошу ко мне. Я буду принимать посетителей там-то тогда-то.

Русский человек предпочитает обходить дальней стороной больших начальников. К Циневу никто не пошел. Никто, за исключением одного опера, которому было нечего терять: парень не имел квартиры и ютился с семьей в коммуналке. Набравшись нахальства, пошел к генералу. Квартиру ему выделили немедленно. Видите, читатель, я пытаюсь найти в каждом что-то доброе.

Фадейкин был у нас не более получаса. Он спросил у каждого:

– Будешь работать с Тавловским?

И получил во всех случаях один ответ:

– Нет, не буду!

Тавловский предложил свой оригинальный план выхода из кризиса: выгнать всех нас, а ему дать другой коллектив, с которым он станет работать по-новому.

– Так не пойдет, – сказал Фадейкин. – Мы эвакуируем тебя, а их пока оставим.

Это «пока» имело зловещий смысл. В силовых структурах существует негласное правило: подразделение, восставшее против начальника, подлежит расформированию. Холоп, торжествующий победу, зрелище невыносимое для господина. А в нашем случае руководство Представительства

еще и опасалось, что волна «негритянских» волнений может прокатиться по другим точкам. Тавловский уехал в конце весны 1968 года, а осенью покинули Галле комсомолец Боря и Женя Чекмарев. Вообще-то официально срок заграничной командировки был определен у нас в три года. Однако пребывание в ГДР большинству оперсостава, как правило, продляли до четырех, а то и до пяти лет. Меня нельзя было выгнать просто так: я был самым результативным сотрудником резидентуры, поэтому уехал на родину аж в конце 1969 года. Продлить командировку на пятый год мне «забыли». Четвертого участника «восстания» решили не трогать: он был в Галле, по сути дела, новым человеком. Почти полгода мы работали без начальника. Это была одна из самых светлых страниц в моей жизни. Мы не стали наслаждаться праздностью, наоборот, вкалывали, как черти, стараясь доказать, что чего-то стоим. Это был труд свободных людей на свободной земле. И наши усилия были вознаграждены: в 1968 году Галльская разведгруппа вышла в общем зачете на первое место. Берлинское руководство было шокировано. Оно восприняло наш трудовой порыв как вызов. Получалось так, что нам начальник вовсе не нужен. Какая наглость! В том году на декабрьском оперативном совещании в Берлине распределение мест впервые не объявлялось. Само собой, никому не пришло на ум поощрить кого-либо из нас за конкретные результаты в работе.

Когда я уезжал из ГДР, Иван Никитич Асауленко, ни с кем

не советуясь, написал мне рекомендацию на работу в Центральном аппарате разведки. Клянусь честью, я у него о таком благодеянии не просил, но огромное ему за это спасибо. Пройдет много лет. Я стану заместителем начальника одного из отделов Первого главка КГБ (разведки). Асауленко уйдет на пенсию и будет работать в Кабинете чекистской славы (музей разведки) на нашем главном объекте в Ясенева, но проведут его по штатам моего отдела. У нас он будет получать зарплату, так что формально я вроде бы сделаюсь его шефом. Мы будем довольно часто встречаться и со смехом вспоминать галльское «восстание» 1968 года.

А с Тавловским мои пути тоже еще неоднократно пересекутся. В 1970 году он станет начальником секретариата в том управлении ПГУ, где я продолжу службу после возвращения на родину, и от него будут реветь секретарши и девчонки-машинистки. В 1971 году нам с ним доверят обеспечение безопасности в подвалах ГУМа накануне празднования годовщины революции. Там мы сыграем с ним партию в шахматы. Он ее проиграет, но заявит, что я все равно ни хрена не умею играть, а в знак примирения подарит мне талон на кусок сврюжины, я же передарю его комсомольцу Боре, случайно оказавшемуся рядом. В конце 70-х годов Тавловский будет надзирать за строительством двух небольших зданий на территории объекта ПГУ (по гражданской специальности-то он инженер-строитель). Мне потом придется поработать в каждом из них. У одного здания будет протекать крыша, в дру-

гом весь паркет встанет дыбом. И крышу, и полы придется перестилать. Наконец, его начнут потихоньку выпихивать на пенсию. Он будет сильно упираться, но в конце концов заявит, что уйдет сам, если ему присвоят звание почетного сотрудника госбезопасности, которое дает большие льготы его обладателям. С огромным трудом ему пробьют это звание, после чего он скажет, что почетных чекистов так просто на пенсию не отправляют. Его оставят еще на несколько лет.

Но что-то не по делу залетел я в далекое будущее. А сегодня на дворе октябрь года 1968. В Галле приехал еще один будущий почетный чекист – наш новый начальник подполковник Шагал. К тому времени разведгруппа была уже в полном комплекте. Молодые сотрудники, понаслушавшись наших рассказов о Тавловском, с трепетом ждали шефа. Шагал нас приятно удивил. Он оказался полной противоположностью прежнему начальнику. Ладно скроенный, крепкий, внешне обаятельный пятидесятилетний мужчина, он внешне походил на офицера Генерального штаба царских времен, может быть, потому, что носил прическу и усы под Пржевальского. Был невозмутим, доброжелателен, улыбчив, не ругался матом и не кидался книгами. Кроме того, пил, не пьянея, прекрасно водил автомобиль и лихо печатал на машинке. Чем тебе не разведчик?

Однако кое-что в новом начальнике меня насторожило.

Во-первых, Шагал не знал ни единого немецкого слова. Правда, владел двумя другими германскими языками – ан-

глийским и шведским, что должно было в значительной степени облегчить ему изучение немецкого. Но возраст есть возраст. А как же Маркс? Он изучил русский после пятидесяти.

Во-вторых, новый шеф имел, мягко выражаясь, весьма туманное представление об оперативной деятельности разведчика, хотя и прослужил в разведке уже много лет. Знаете, с чего начинается любая разработка в любой спецслужбе? С проверки объекта нашей заинтересованности по оперативным учетам (иными словами, по оперативно-справочным картотекам). Заполнять бланк проверки по учетам учат любого младшего опера в первый день его работы в спецслужбе. Так вот: Шагал, увидев в моих руках чистый бланк проверки по учетам, имел неосторожность спросить: «Что это такое?» «Ну и ну, – подумал я и тут же себя успокоил: – Не умеешь – научим, а главное, чтобы человек был хороший». Тут я должен кое-что пояснить изумленному читателю, которому наверняка известно, что на каждого солдата-окопника приходится несколько десятков человек, вкалывающих в тылу. Точно так же и в спецслужбах: на каждого опера, работающего «в поле», приходится несколько десятков человек, которые служат в так называемых обеспечивающих подразделениях. Эти люди делают очень нужное дело, но имеют отдаленное представление о разведке как таковой. А еще у разведки есть обширная и многолюдная «подкрыша». В ней имеются местечки столь уютные и теплые, что,

вгнездившись на одно из них, можно в течение тридцати лет не сжечь ни одной нервной клетки, а, выйдя на пенсию и нацепив на пиджак значок ветерана разведки, со скромным достоинством рассказывать внукам, что именно ты и послужил прототипом Штирлица. Правда, «под крышами» с продвижением по службе туговато. Как выяснилось позже, Шагал до приезда в Галле служил в личной охране Сталина, в обеспечивающих подразделениях и «под крышами» культурных атташатов. В периоды работы там он объездил полсвета, сопровождая писателей, ученых, артистов, гроссмейстеров, космонавтов и прочих знаменитостей, что позволило ему обзавестись нечеловеческими связями за пределами разведки, которые он затем виртуозно использовал в личных целях.

В-третьих, в годы войны мой новый шеф находился не в действующей армии, а в Алма-Ате и войну видел только в кино. А ведь тот же Тавловский, его ровесник, воевал и был ранен. Я, мальчишка военной поры, тоже хлебнул лиха в различных прифронтовых полосах. Но Шагал в Алма-Ате не хреном груши околачивал, а получил там квалификацию инженера-конструктора, строителя самолетов. Кому-то надо же было строить самолеты! Так-то оно так, но... В середине 70-х годов один из одноклассников Шагала, тоже ставший разведчиком, без малейшего смущения поведал мне следующее:

– В сорок первом, когда немец стоял под Москвой, нас

эвакуировали в Алма-Ату. Проводили мы своих девок на фронт, погрузились в поезд и с песнями двинули на восток.

– О каких девушках идет речь? – не понял я.

– Ну о студентках, сокурсницах наших. Они еще до войны научились в аэроклубах самолетовождению, а в сорок первом сформировали боевую эскадрилью и улетели воевать.

– Так у вас же бронь была!

– С добровольцев-то бронь снимали. Девки почти все погибли. Жалко их.

Тут один из молодых оперов, слышавших наш разговор, сорвался и спросил в упор у матерого «разведчика»:

– А вас никогда не мучает совесть?

Того передернуло. Однако он быстро взял себя в руки, собрался и ответил:

– Нет, не мучает. Я рад, что хожу по земле, дышу воздухом и наслаждаюсь жизнью.

Мне подумалось тогда, что те девчонки тоже могли бы стать инженерами-конструкторами, а воевать должны все-таки мужчины.

Для чего я все это рассказываю? А для того, чтобы читатель знал: в советской разведке, помимо массы людей хороших и даже замечательных, было немало недостойных. Иначе откуда же тогда брались предатели? Каким образом люди недостойные попадали в разведку, я расскажу позже.

Последний год моей первой заграникомандировки прошел на редкость спокойно и плодотворно. Я занимался тем, чем

считал нужным заниматься, и достиг на оперативном поприще кое-каких успехов. Еще учил немецкому языку шефа. У того выявились прекрасные лингвистические способности: спустя год он уже через пень-колоду говорил по-немецки. Собственно, весь первый год пребывания в ГДР он посвятил изучению языка. В дела не влезал, заботу о молодежи препоручил мне и еще одному сотруднику, имевшему опыт оперативной работы, к немцам ездил редко, а когда ездил, то брал с собой в качестве переводчика кого-либо из подчиненных. Год 1969 Галльская группа завершила с неплохими результатами. Тут я и уехал. А дальше случилось то, что и должно было случиться. Когда в резидентуре в течение короткого времени заменяется почти весь оперсостав, она начинает давать обои. За два последующих года Галльская разведгруппа скатилась с первого места на последнее. Нового начальника стали пощипывать и поколачивать. Встал даже вопрос о целесообразности продления ему командировки на четвертый год. Тогда он поднял свои московские связи и настоял на моем возвращении в Галле. Меня оформили быстро. В один из июньских дней 1972 года я снова вступил на немецкую землю. Войдя в кабинет Фадейкина, вытянулся в струнку и отрапортовал: «Товарищ генерал-лейтенант, капитан Ростовцев прибыл в ваше распоряжение!» Иван Анисимович, широко улыбнувшись, похлопал меня по спине и сказал:

– Ну, ты будто и не уезжал. Давай приступай к работе и трудись, как трудился прежде.

Я понял, что «бунт на корабле» мне прощен.

А Ивану Анисимовичу оставалось жить не так уж долго. Он был болен, но мы этого не знали. В 1974 году завершилась его заграникомандировка. Кажется, он служил некоторое время под крышей какого-то ведомства, потом был направлен в Тегеран. Иран – страна с тяжелым климатом. Там назревала в то время антишахская и антиамериканская революция, которая наконец-таки разразилась. Оперативная обстановка в Тегеране была очень сложной. Можно сказать, что работа в Персии Ивана Анисимовича окончательно доконала. Его привезли оттуда совершенно больным, и в 1981 году он умер в возрасте 64 лет.

Пик российской истории пришелся на период с 1945 по 1961 год (Победа – полет Гагарина). Именно на этом этапе Российская империя, именовавшаяся тогда Советским Союзом, пребывала в зените славы и могущества. Подобных высот Россия не достигнет более никогда. Потом были застой и упадок. Период расцвета Представительства полностью совпал с периодом наивысшего подъема страны. К сожалению, мне не довелось поработать под руководством умнейшего и знаменитого генерала Короткова. До меня доходили только легенды о нем и реализованных им делах, которые войдут во все учебники наших спецшкол. Фадейкин хотел и мог бы сделать то, что делал Коротков, однако у него так уже не получалось. Время настало другое. Но это теперь, стоя на вершине тысячелетия и дожив до преклонных лет, я в состоянии

трезво осмыслить то, что было. А тогда я рвался в бой, на передовую линию разведки. Заряда, полученного в юности, моему поколению хватило надолго, едва ли не на всю жизнь.

Я въехал в Галле, можно сказать, на белом коне. Будучи капитаном, получил подполковничью должность помощника начальника отдела. Забегая вперед, скажу, что через пять лет вернулся в Москву подполковником. Практически я стал заместителем резидента и в таком качестве был представлен немецким друзьям и руководству округа. Вскоре по предложению Асауленко меня снова избрали секретарем первички. Таким образом, я, как иронично заметил Иван Никитич, сосредоточил в своих руках необъятную светскую и духовную власть. Шагал в день моего приезда собрал своих сотрудников, которые были хорошо мне знакомы по первой командировке, и объявил, что все оперативные вопросы они теперь будут решать со мной. Он же оставляет за собой координацию действий дружественных спецслужб и поддержание деловых контактов с немецкими друзьями. Надо сказать, что за время моего отсутствия он хорошо овладел немецким языком и не нуждался больше в переводчиках. Во всяком случае, знал язык не хуже выпускников нашей двухгодичной разведшколы. Это был так называемый рабочий язык, на котором нельзя вести ни философских дискуссий, ни других бесед, касающихся высоких сфер духовной жизни, но можно завербовать иностранца и рассказать препохабный анекдот.

Но вернемся к Шагалу. В первые же дни моего повторно-

го сидения в Галле меня неприятно поразил тот факт, что весь коллектив разведгруппы находится в оппозиции к обязательному, мягкому, интеллигентному шефу. Конечно, рассуждал я, русский человек традиционно не любит своего начальника тем паче, если он нерусский, но все же... Тут мне вспомнились слова Асауленко, которые он обронил в беседе со мной: «Шагал не совсем тот человек, каким он хочет казаться».

Прошло несколько месяцев, и я понял, что образ Шагала, сформировавшийся в моем сознании в 1969 году, оказался насквозь фальшивым. Мой шеф просто не успел тогда развернуться и проявиться. Он учил язык. К концу 1972 года мне стало ясно, что шеф мой пришел во власть в соответствии с вариантами 6 и 9. Странно была устроена его башка. А может, это мы были странные, а он нормальный. Не будем спорить. Сейчас речь не об этом, а о его башке. От нее же, как горох от стенки, отскакивало все, что касалось работы. Отскакивало и моментально забывалось. Однако в ней навеки оседало то, что касалось личного благополучия нашего начальника и благоденствия его семьи. Впрочем, стремление приумножить, укрепить и обезопасить свой род – естественное инстинктивное стремление всякого живого организма. Только другие организмы не всегда понимают, почему это должно делаться за их счет. Вот в этом и состоит суть всех противоречий любого коллектива, любого сообщества людей.

Шагал часто любил повторять: «Каждый телефонный звонок – это одна сожженная нервная клетка». Поступал шеф всегда в полном соответствии с этим постулатом. Когда звонил телефон, он просил меня:

– Послушайте, что они там хотят.

И когда я докладывал ему, чего именно они хотят, он делал усталую отмашку рукой.

– Ну скажите им что-нибудь.

А ведь надо было говорить не что-нибудь, а принимать решения, порой весьма ответственные. Тут уж горела не одна нервная клетка, а целая колония клеток.

Постепенно Шагал свалил на меня все свои обязанности и целиком погрузился в решение задач сугубо личного плана. Таких задач было превеликое множество, и все они лежали на востоке, далеко за пределами Центральной Европы.

У Шагала были две взрослые дочери. Обе хотели учиться не где-нибудь, а непременно в МГУ. Он это пробил. Потом надо было найти им хорошую работу. Он нашел. Обе выскочили замуж за беспородных мальчиков. Пришлось устраивать карьеру зятьям. Он устроил. Пошли внуки с вытекающими последствиями. Он обожал своих внуков. А еще у него была жена – претенциозная молодящаяся старуха, красившая свои седины в голубой цвет и постоянно требовавшая пирожных из Лейпцига, париков из Польши и развлечений в виде посещения достопамятных мест округа обязательно с возданием почестей и вручением даров немецкой стороной.

А забить престижное место для себя в Москве после возвращения из командировки! Все это надо было успеть и во многих случаях хорошо профинансировать. Какая уж там работа!

Уже в то время позвонить из Галле в Москву можно было без проблем по коду. Оплачивали наши счета немцы. Разговоры шефа и его супруги с девочками и нужными людьми на родине обходились друзьям недешево. Они роптали, но не смели возвысить голос до уровня официального протеста.

Миновала пора «соломенных» танков. Шагал сказал немецким друзьям, что он любит так называемые *Sachgeschenke*, т. е. подарки, которые можно употребить в домашнем обиходе с пользой для семьи. Он приучил немцев дарить ему к советским праздникам и к дню рождения вещи ценные и нужные. Иногда они не помещались в «Волге» и приходилось брать микроавтобус. Наш шеф крепко оседлал гэдээровскую таможню. Пару раз в месяц ему присылали оттуда посылки с конфискатами. Это были калькуляторы, газовые зажигалки, цветные фломастеры, многоцветные ручки, порнографические журналы, каталоги торговых фирм и прочая дребедень, которой он щедро одаривал нужных людей в Берлине и Москве. Напомню, что как в нашей стране, так и в ГДР все это было в то время большим дефицитом и отнюдь не считалось дребеденью. Кстати, самый примитивный калькулятор в комиссии стоил сотню. Справедливости ради надо оказать, что руководство управления

МГБ ГДР тоже получало такие посылки. Немцы разлагались синхронно с нами.

Сахаров как-то заметил, что КГБ был единственной некоррупцированной структурой в советском обществе. Бедный академик! Он плохо знал своего злейшего врага. Он вообще все знал плохо. Все, кроме ядерной физики. Гениальный ученый и никудышный политик, которого закоренелые недруги России использовали в качестве инструмента разрушения державы, должен был бы сказать так: «КГБ был наименее коррупцированной структурой советского общества». Конечно, никто в КГБ не брал взятки деньгами. Но там было немало лиц, которые с удовольствием брали «знаки внимания», порою весьма дорогостоящие. Габариты и стоимость «знаков внимания» стремительно возрастали. В 80-х годах это были уже цветные телевизоры и двухкассетные магнитофоны преимущественно японских марок.

Шагал отличался патологической жадностью. Он никогда не платил за обед, если приходилось обедать в кафе с кем-либо из наших сотрудников или немцев. В момент расплаты начинал суетливо шарить по карманам, делал страшное лицо и говорил, что забыл бумажник дома. Вечером в буфете Представительства подсаживался с маленьким пузырьком пива к знакомой компании. Спрашивал скромно:

– Можно посидеть с вами?

– Садись, чего там! – кричали поддатые приятели.

Ему мигом накладывали горячих сарделек и другой заку-

ки, наливали водки. Он уходил спать сытый и пьяный.

Наш шеф что-то постоянно, пыхтя, тащил в свою квартиру, одна из комнат которой была превращена в склад. Там стояли и лежали какие-то ящики, коробки с цветной фотопленкой, картонки с обувью, тюки с барахлом, рулоны линолеума и многие другие полезные, а часто и необходимые в обиходе вещи. Все это были «дары» немецких предприятий. Я пишу дары в кавычках, ибо были они плодами элементарного вымогательства. Немецкие друзья, посмеиваясь, говорили, что только наш начальник умеет явиться на день рождения без подарка, а уйти с него с подарком.

Запускал ли Шагал лапу в казну? Когда он уже уехал, то выяснилось, что запускал. Для этого он использовал, так сказать, выгодно сложившуюся оперативную ситуацию. Однажды друзья сделали нам по случаю какого-то праздника оперативный подарок. Это был подвербованный иностранец, от которого поступала кое-какая информация. Послали мы эту информацию в Центр, и вдруг пришло оттуда указание выплатить нашей доверительной связи вознаграждение в западной валюте. Шагал моментально принял решение взять иностранца на личную связь и взял. Появившись в Берлине в ореоле работающего с агентурой резидента, он вызвал умиление и даже восторг руководства. Таких было мало, а в иные периоды и вообще не было. Вручая иностранцу пятьсот марок, он говорил: «Я выхлопотал тебе премию, поэтому деньги – пополам. Пиши расписку на тысячу». В конце концов,

немцу это надоело, и он пожаловался на Шагала сотруднику друзей, у которого прежде был на связи. Однако друзья рассказали мне это в неофициальной беседе лишь через пару месяцев после того, как Шагал навсегда покинул Галле. Нам всем было невероятно стыдно перед немцами за нашего начальника. Берлин на мои сигналы реагировал вяло. Асауленко возмущался вместе со мной, но по-отечески предупредил, что повторного бунта мне не простят. Мой многоопытный приятель-кадровик доверительно сообщил мне, что у моего начальника чрезвычайно прочные позиции как в Берлине, так и в Москве и пытаться сдвинуть его с места, выражаясь языком современных политиков, – контрпродуктивно.

Мы попробовали воздействовать на Шагала своими силами и провели партсобрание с повесткой: «О моральном облике коммуниста-чекиста». Для порядка и себя покритиковали, но каждое выступление содержало весьма прозрачные намеки на неприличное поведение нашего шефа. Тот все понял и испугался. Для начала поговорил с кем надо в Берлине и при поддержке парткома низверг меня с поста партийного секретаря. Мотивировка была такая: мне, мол, слишком часто приходится оставаться за начальника, а это негже, когда начальник и секретарь первички – одно и то же лицо. Такому ходу событий я несказанно обрадовался: с моих плеч свалилась моральная ответственность за аморальное поведение шефа, от которого я уже начал сильно уставать. Между тем Шагал во избежание бунта принялся уси-

ленно сталкивать нас лбами, стремясь всех перессорить, однако мы быстро разобрались в его новой внутренней политике и торжественно поклялись не верить ни единому его слову, а дезинформацию, полученную от него, немедленно сообщать друг другу. Так и жили, отводя душу в работе. Фадейкин и Асауленко уехали. Руководителя Представительства сменил очень опытный разведчик генерал Лазарев. Секретарем парткома стал человек, которого в разведке, да и в КГБ мало кто знал. А задолго до этого на должность первого заместителя Фадейкина был прислан из столицы генерал Базилевич, выдвиженец из среды комсомольских вождей, пожелавший отправиться на передний край борьбы с империализмом, но знавший разведку только по знаменитому фильму с артистом Кадочниковым в главной роли. Под его руководящую длань и были поставлены все четырнадцать резидентур в округах ГДР. Месяца три нас к нему не пускали. Говорили: пусть освоится, почитает специальную литературу, овладеет терминологией. А через указанный срок, когда мы понесли ему на подпись документы, он уже бойко писал разноцветными карандашами дурацкие резолюции, от которых веяло непререкаемым комсомольским задором: «Улучшить, повесить уровень, поднять на должную высоту» и т. п. Базилевич оказался человеком неприятным во всех отношениях. Дистанция между ним и простым опером всегда была поболее, чем расстояние от колокольни Ивана Великого до острова Кунашир в Курильской гряде. Он сам установил эту

дистанцию. До сих пор не могу без внутреннего содрогания вспоминать его похожие на куриную задницу губы, изрекающие глупые сентенции, исполненные спеси и снобизма.

А Лазарев оказался хорошим мужиком: простым, прямым, честным, иногда по делу грубоватым. Бывший фронтовик, он часто вспоминал о войне и о том, кто в ней кого побил, за что немцы не больно его привечали. Должен сказать, что даром дипломата Лазарев не обладал, из-за чего и не смог продержаться в ГДР более двух лет.

Помню рассказы немецких друзей, как он отмечал тридцатую годовщину Победы. В Представительство приехала немецкая делегация, возглавляемая министром МГБ Мильке. Вместе с руководством Представительства друзья вошли в банкетный зал и остолбенели от изумления. Посреди зала на столе стояли ведро с водкой и несколько десятков металлических солдатских кружек. Тут же стояло блюдо с ломтями черного хлеба и кусочками сала.

– Будем обмывать Победу по-фронтовому! – заявил Лазарев.

Правда, после первой кружки состоялся нормальный банкет за нормально сервированным столом в другом зале. Как раз эта шутка Лазарева немцам очень понравилась.

Однажды Лазарев приехал к нам в Галле. Друзья приняли его тепло, организовали посиделки в непринужденной обстановке. Генерал разговорился, и мне полночи пришлось работать переводчиком. Он много рассказывал о себе. Как

рос в семье, где было более десятка детей, и как все его братья и сестры при поддержке государства выбились в люди. Потом мы вместе с немцами гуляли по тысячелетнему ночному городу, и он с детской непосредственностью восхищался застывшим каменным великолепием немецкого Средневековья, причудливыми ажурными шпилями и башнями, гулким боем старинных часов и мастерской подсветкой всей этой чудесной и таинственной красоты.

Я знал многих больших начальников, которые в юности пришли в Москву чуть ли не в лаптях из деревенок, где даже не было сельсоветов, и устроили свою карьеру путем женитьбы на уродливых прыщавых столичных девицах с могучими родственными связями. Сколько барства, чванства и спеси проявлялось у этих подонков, вылезших в буквальном смысле из грязи в князи. Ничего подобного не было в Лазареве, потому что он сделал себя сам своим трудом.

Сменил его на посту руководителя Представительства генерал Василий Тимофеевич Шумилов, бывший секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ и бывший начальник Ленинградского УКГБ. Его почти десятилетнее правление составило целую эпоху в истории Представительства. Об этом примечательном и достопамятном времени я подробно расскажу ниже.

Незадолго до тридцатой годовщины Победы друзья отмечали двадцатипятилетие своих органов госбезопасности. Я был награжден немецким орденом «За заслуги перед на-

родом и Отечеством», Шагалу дали какую-то медаль. Мой шеф был потрясен такой несправедливостью (читатель должен знать, что немцы к каждой награде прилагали конверт с деньгами) и пошел куда-то выяснять, не вышло ли ошибки. Немцы сказали, что ошибки нет.

– Зачем вы это сделали? – спросил я у них, отчетливо осознавая, что теперь для меня настанут совершенно черные времена.

– Так решил наш министр, – был ответ. – Ведь ты выполняешь всю работу шефа.

Я полагаю, что дело было вовсе не в этом. Просто немцы давали понять нашему руководству, каково их истинное отношение к Шагалу, и хотели поспособствовать его скорейшей эвакуации. Он к тому времени провел в Галле уже семь лет. Это было на два года больше обычного установленного срока. Шагал несколько раз объявлял друзьям, что уезжает, собирал очередную машину подарков и оставался. В начале 1976 года он все-таки уехал. На прощанье угостил нас шнапсом с бутербродами, которые натырил за двое суток до этого на собственной отвальном, устроенной ему немцами. Бутерброды были несвежие, и у нас разболелись животы, а я попал в госпиталь с отравлением.

Но не успели погаснуть огоньки поезда, увозившего Шагала на родину, как на немецкую землю вступили его дочь и зять. Последнему уже было давно приготовлено местечко в берлинском аппарате Представительства.

Новый галльский начальник не заставил себя долго ждать. Кажется, он приехал в один из выходных дней, поэтому первыми на него нарвались наши жены. Выйдя из квартиры, моя жена и жена другого сотрудника увидели здорового мужика с наружностью татарского мурзы эпохи Батыя, который яростно драил шваброй пол около лифта. Женщины попытались объяснить ему, что сегодня не его очередь наводить чистоту на лестничной площадке, а когда настанет черед, то немцы повесят ему на дверь соответствующую табличку.

– А мне насрать, – буркнул мужик, не поднимая головы и не оглядываясь.

Интеллигентные дамы были потрясены и поспешили ретироваться. На другой день подполковник Турёнков явился на работу. Мы тогда уже сидели в новом здании, выделенном друзьями. На первом этаже там размещалась охрана, на втором – разведгруппа, на третьем была гостиница для приезжих. Турёнков пришел пешком. Почему-то не захотел ехать на машине с немецким водителем, которого наши солдаты хорошо знали. Охрана не пустила шефа на объект. Возник небольшой скандалчик, который я быстро погасил, опустившись вниз. Войдя в свой кабинет, Турёнков сразу же громко позвал коллектив к себе:

– Эй, интеллигенты, кончайте ночевать, айда все до кучи, знакомиться будем!

«Интеллигент» у него означало что-то вроде «шелупони», «мелочи пузатой». Начал он свою деятельность с мероприя-

тия, которое, очевидно, имело целью сплочение коллектива:

– Я знаю, что вечером вы все равно напьетесь в немецком кабаке, так давайте лучше напьемся на работе!

Немцы, увидев Турёнкова, сразу наградили его прозвищем Мафиози, но, узнав нашего шефа поближе, эту кличку отменили, а новой выдумывать не стали.

Не знаю, в соответствии с каким вариантом его направили за папахой. Скорее всего, это был вариант № 4.

Турёнков оказался человеком на редкость невыдержанным, взрывным, взбалмошным, с семью пятницами на неделе. Он мог отчебучить такое, что и Тавловскому бы на ум не взбрело. Ехали мы с ним как-то в его машине то ли из Галле в Лейпциг, то ли из Лейпцига в Галле и крепко поругались. Он загнал автомобиль на обочину, распахнул дверцу и приказал:

– Пошел на хер из моей машины!

Я рассмеялся и ответил, что никуда не пойду. Шеф поскрипел зубами, захлопнул дверцу и поехал дальше. А через пару часов он уже просил меня остаться в Галле на шестой год, и я бы остался, если бы не дочь, которой пришла пора заканчивать школу и поступать в институт. Мы прощали Турёнкову все его порою совершенно дикие выходки за одно лишь то, что он в 1942 году, прибавив себе лет, ушел добровольцем на фронт, провоевал до конца войны и в мае сорок пятого въехал на своем танке в Берлин.

Турёнков был начальником незлобливый, неподлым,

нежадным и чистым на руку. Оперативное ремесло знал прилично, немецкий язык – сносно. Любил шумные застолья и выезды на природу с шашлыками, ужением рыбы и приготовлением ухи. В компании был прост, весел и не давил молодежь своим шефским авторитетом. Немцы над ним посмеивались, но в общем относились к нему по-доброму.

Мы с Турёнковым часто ссорились по оперативным вопросам. Он никак не хотел понять того простого факта, что в данном конкретном месте я знаю обстановку многократно лучше него и потому мое решение по тому или иному делу наверняка будет самым оптимальным. Несмотря на наши постоянные стычки, он написал мне самую лучшую из всех аттестаций, зашитых в мое личное дело.

В 1980 году я приехал на недельку в ГДР по делам. Посетил между прочим и Галле. Турёнков был еще там. Он принял меня как родного брата. А в середине 80-х годов мы несколько лет работали вместе в Берлине, сохраняя наилучшие взаимоотношения.

Пришло время рассказать о последнем этапе моей германской жизни. Перерыв между второй и третьей заграничными командировками был у меня достаточно длинным – четыре с половиной года. За это время в нашей стране, в ГДР и в Представительстве произошли заметные изменения. Всем, кто имел голову на плечах, было ясно, что застой перерастает в загнивание и что все структуры стран социалистического содружества нуждаются в глубоком реформировании. Этого не хо-

тели понимать только те, кому было «тепло и сыро» – высшие руководители. Они продолжали топтать проторенной дорожкой, шаг за шагом приближаясь к пропасти. Всякие намеки на необходимость реформ приводили наших вождей в ярость. Обстановка была затхлой. Все ужа гнило и воняло. Затхлостью пахло и в коридорах нашего берлинского аппарата, где мне предстояло проработать почти шесть лет.

Я прибыл в столицу ГДР в самом начале 1982 года и был зачислен в штаты так называемой группы координации – небольшого подразделения, состоявшего из пяти человек, – начальника и четырех опытных офицеров-разведчиков. Каждый курировал одну из основных линий разведки во всех наших резидентурах, дислоцированных на территории ГДР. Вообще-то, принцип работы у нас в группе был линейно-территориальным. Каждый вел свою линию во всей стране и, кроме этого, надзирал за общим положением дел в ряде резидентур. Мне, например, достались Галле, Карл-Маркс-Штадт, Дрезден и Котбус. Группу координации придумал еще Фадейкин. Может быть, толчком для принятия этого решения послужил Галльский «бунт» и еще кое-какие неприятные эксцессы. Руководство Представительства хотело знать в деталях все, что творится на периферии, дабы, случись что, вовремя принять соответствующие меры. Эта цель была достигнута. Руководство знало все, только мер не принимало точно так же, как правительство Союза, зная все о положении дел в стране, практически сидело сложа руки.

Сохранить былую боеспособность Представительства было несложно: для этого требовалось всего-навсего предоставить его руководителю кадровую свободу, в частности, дать ему право назначения старших офицеров связи в округах, офицеров связи в Берлине и хотя бы заместителей начальников отделов из числа своих лучших сотрудников без согласования с Центром. Ан нет! Куда же тогда было девать уставших работать генералов и полковников, именитых погорельцев, зятьев, сватов, племянников?! Эта категория лиц считалась номенклатурой Центра, и ее надо было куда-то пристраивать. Представительство постепенно превращалось из передового отряда советской разведки то ли в отстойник, то ли в сливной бак для разного рода блатвы. Когда я приехал в Берлин для работы в группе координации, у меня в глазах зарябило от генералов. До 1967 года был один генерал. Потом их стало двое. В 80-х годах количество генералов в Берлине и в резидентурах доходило до десятка. Это при том, что количество рядовых исполнителей во все времена практически оставалось на одном уровне. Самыми «вкусными» считались должности заместителей руководителя Представительства, курировавших линейные отделы, офицеров связи в Берлине, которые осуществляли контакты с подразделениями МГБ ГДР, и старших офицеров связи в округах. За первых всю работу выполняли начальники отделов, за вторых – молодые и бегучие подручные в званиях от лейтенанта до майора, третьи злоупотребляли своей удаленностью от

столицы и жили себе в охотку. Вот за эти должности и велась наиболее упорная подковерная борьба в Москве.

Конечно, знал я и таких офицеров связи, как Кучин и Будахин, которые связали с ГДР всю свою жизнь и были подлинными корифеями своего ремесла, трудягами, да и немецкий язык знали великолепно. Кучин, кстати, был переводчиком Жукова в момент подписания капитуляции Германии. У этих людей и у немногих им подобных было чему поучиться. В большинстве же случаев мне лично хотелось только одного: зажать уши, когда я слушал, как офицеры связи объяснялись с немцами.

Забегая вперед, расскажу несколько комичных эпизодов из жизни генералов в ГДР, хотя слово «комичных» здесь, пожалуй, неуместно. Ведь это было наше общее горе, наша общая беда.

Приехал я как-то в маленький окружной центр Зуль, расположенный по гэдээровским понятиям на краю света. До него от Берлина аж четыреста километров. Что-то вроде нашей Чукотки. Мне надо было посмотреть, есть ли там что-нибудь по моей линии. Для начала я зашел к тамошнему генералу и застал его вдвоем с бутылкой в подавленном настроении. На дворе стояло жаркое лето.

– Пей! – сказал генерал, наливая мне полстакана водки и швыряя на стол плитку шоколада.

Я выпил, чтобы настроиться на его волну. Потом пожевал шоколад и спросил:

– Ну как вы тут живете?

– Да вот позавчера оса ужалила жену сотрудника, а у нее аллергия на осиный яд. Чуть не сдохла. Еле откачали с помощью друзей.

На этом новости иссякли, и я почувствовал, что ему хочется завить. Генерал не знал ни слова по-немецки, а в Зуле, кроме него и двух его подчиненных, других русских не водилось. Квартиры всем друзья выделили в разных концах городка. Каково было жить там ему и его жене?!

– Поехали на рыбалку! – предложил генерал.

Между прочим, была самая середина рабочего дня. Я попросил разрешения побеседовать с его подчиненными. Он позволил, но велел беседу не затягивать. Его тянуло на природу. На природе, как известно, водка лучше пьется.

– Ну и чем вы тут занимаетесь? – поинтересовался я у двух одичавших оперов.

Что они скажут, мне было хорошо известно: они нянчили генерала. Выражения «нянчить генерала», «нянчить начальника» в ГДР были в широком обиходе. Генерал, да и полковник, не владеющие языком страны пребывания, – это очень тяжелая обуза для маленького коллектива. Во-первых, у таких начальников высокие зарплаты и соответственно высокая покупательная способность. Их жен надо возить по магазинам и помогать отовариваться. Во-вторых, самих начальников надо возить иногда к туземным боссам и переводить. В-третьих, их надо развлекать и ублажать, чтобы они не лез-

ли в дела, в которых ни черта не смыслят. Ведь многие начальники приехали в ГДР с дальних окраин Союза, где они всю жизнь пытались ловить шпионов там, где их быть не могло, и сражались с диссидентами, а тут следовало заниматься разведкой.

Я не обнаружил в Зуле стоящих дел и наводок по своей линии. Мы поехали на рыбалку, а закончили трудовой день в ресторане «Калуга». Зуль, оказывается, назначили побратимом древнего русского города. Больше я туда никогда не ездил.

Примерно в то же самое время в другом маленьком окружном центре сидел другой печальный генерал. Он приехал к нам после инсульта и сразу же огорошил свой крошечный коллектив длиннющим докладом, посвященным празднику Первомая. Потом ушел в себя и занялся сочинением стихов о любви, которые издавал сборниками в одной из союзных республик, где у него были связи в писательской среде.

Однако не все генералы грустили на чужой стороне. Были среди них и люди мажорные, деятельные. Помню, один из них покинул свою квартиру, где оставил старуху-жену с внуками, и поселился на нашем объекте с молоденькой женой какого-то прапорщика. Последний подобным «родством» очень гордился. Генерал брал не шибко воспитанную девчонку даже на официальные приемы. Другой обложил немецкие предприятия данью в буквальном смысле сло-

ва. Он приезжал среди бела дня и брал по пятьдесят пар обуви, по десять кожаных курток, по штуке костюмной ткани. Не крал, не грабил, а просто брал. Видимо, у него была куча родни.

Само собой, мы докладывали нашему руководству о генеральских «шалостях». Руководство, смущаясь, отвечало, что эти люди, дескать, уже привыкли быть большими начальниками и ведут себя в соответствии со своими привычками, а перевоспитывать их уже поздно. Секретарь же парткома, выслушав нас, только рукой махнул. От партии в 80-х годах осталось одно название. Она превратилась в ритуальную службу.

Тут я вспоминаю старинную картинку из русской истории. Обедневший боярин валится царю в ноги и просит послать его «на кормление» в какую-нибудь там Астрахань. Царь идет ему навстречу. Боярин уезжает на дальнюю периферию в легкой таратайке, а через несколько лет возвращается в Москву во главе тяжелого скрипучего обоза. Вот и блатва стала ездить в Представительство не на работу, а «на кормление».

Читатель спросит: «Ну а кто же все-таки работал?» Отвечаю: московские кадровики не были идиотами. Они укомплектовывали берлинскую точку сильными начальниками отделов и сильным оперсоставом. Вот эти и работали за блатных. Примерно пятьдесят процентов старших офицеров связи в округах тоже были в порядке. И дело они знали, и язык.

Однако общая атмосфера тлена, аморальности и развала сказывалась весьма негативно на оперативных результатах.

Не хотелось бы мне давать оценку моему «верховному» руководителю Василию Тимофеевичу Шумилову. Не хотелось бы, но придется. Надо. Он сам был безупречен. Никого ни разу не обидел без повода, трудился, не разгибая спины, был скромн в быту. Против него ни разу никто не проголосовал на выборах членов парткома. Это при тайном-то голосовании! Но ведь с его молчаливого согласия и при попустительстве с его стороны в структурах Представительства творились несусветные безобразия. Солдат-фронтовик удивительным образом уживался в нем с партийным номенклатурщиком. А может, он просто махнул на все рукой? Дескать, «с Божьей стихией царям не совладать». Кто знает, что творилось в его душе. Василий Тимофеевич прибыл к нам цветущим красивым мужчиной, а уехал старым, уставшим, погасшим человеком с шаркающей походкой. За десять лет он разительно изменился.

Когда обрушилась ГДР и был арестован шеф МГБ Мильке, которому Василий Тимофеевич клялся в вечной дружбе и обещал всяческую поддержку, когда обрушился и Советский Союз, старый солдат не выдержал. Вскоре после подписания беловежских соглашений он застрелился. Мир его праху!

Но пришло время вспомнить о моих непосредственных начальниках берлинского периода. Первым из них был пол-

ковник Иван Николаевич Сорокалетов. Ничего плохого при всей моей злопамятности сказать о нем не могу. Он и дело знал, и человек был хороший. Остается только сожалеть о том, что работать мне с ним довелось всего несколько месяцев. Срок его командировки истекал.

Мы все, люди много повидавшие, ждали нового начальника без всякого энтузиазма, ибо он, по слухам, происходил из среды партийных номенклатурщиков. Особого страха, правда, никто из нас не испытывал. Во-первых, мы были тертые-перетертые, битые-перебитые, а во-вторых, у нас была мощная «крыша» – первый заместитель руководителя Представительства генерал Иван Алексеевич Ерофеев, курировавший разведгруппы в округах, а значит, и нашу группу координации. Ерофеев относился к нашему коллективу очень доброжелательно, постоянно с нами контактировал, советовался. Он был в разведке известной личностью. О нем, как и о Короткове, на Западе даже фильм сняли. Я был с ним знаком, когда он руководил одним из линейных отделов Первого главка КГБ (ПГУ – разведка). Мне тогда пришлось заниматься вопросами компьютеризации нашей службы. Ученым-разработчикам автоматизированных систем управления не всегда удавалось донести свои идеи до руководителей оперативных подразделений и найти с ними общий язык. Вот и посылали меня за визами к Ерофееву и другим начальникам отделов. Иди! Ты, мол, оперработник, они тебя скорее поймут. Ерофеев вздыхал, вчитывался

в ученую заумь, спрашивал:

– А не облапошат они нас?

– Как пить дать, облапошат, Иван Алексеевич, – отвечал я. – Однако в пределах допустимых норм.

Он еще раз вздыхал и визировал документ.

Был Ерофеев человеком умным, веселым, с хитринкой. Старый солдат-фронтовик, он чем-то походил на сильно постаревшего Василия Теркина. Любил рассказывать разные фронтовые истории, но и слушать чужие побасенки тоже умел с великим вниманием. Знал наизусть массу стихов редкоземельных поэтов, в которых путался даже я, филолог. Он был единственным из генералов, который мог запросто зайти в кабинет к оперу и покалякать с ним по душам. Другие все на ковер вызывали. Свое шестидесятилетие он отмечал пышно и щедро. По-моему, его поздравили по очереди все подразделения, причем заходили к нему целыми коллективами и для каждого у него нашлась стопка водки и закусь. Работать бы нам с ним и работать, да случилось несчастье. Однажды я прихворнул, зашел в медпункт и встретил там Ивана Алексеевича. Он был хмур и подавлен. Спросил, что у меня. Я ответил, что, кажется, грипп.

– Счастливый! – сказал он.

– А в чем мое счастье? – удивился я.

Он промолчал.

Вскоре его отправили в Москву на операцию. У него обнаружили рак. Вернулся он нескоро, сильно похудевший, усох-

ший. Устроил отвальную, простился со всеми и уехал навсегда. Вскоре его не стало.

Фронтвики уходили мужественно. Никогда не забуду, как покидал наш объект в Ясенева смертельно больной Будахин, о котором я писал выше. Пройдя через КПП, он остановился, оглянулся и некоторое время смотрел на великолепный разведывательный комплекс, ярко освещенный вечерними огнями, после чего сказал с грустинкой:

– Ну что ж, отзвонил звонарь и с колокольни – долой!

Постоял еще и твердой походкой не спеша пошел к ожидавшей его машине.

Ну вот дошла очередь и до моего предпоследнего непосредственного германского начальника полковника Забоки. Забока, в отличие от некоторых наших руководителей, навязанных органам партией, проделал обратную эволюцию: он превратился из оперработника в партийного функционера и к нам прибыл с поста секретаря парткома КГБ одной из союзных республик. На этом посту полностью разложился и утратил веру во все святое. Говорят, что во всех наших бедах виноваты Маркс и Ленин. Я же считаю, что виноваты партийные чиновники, ибо больших антимарксистов и антиленинцев не было даже в так называемом мире капитала. Мало того, что они не имели ни малейшего представления об учении Маркса и Ленина, они всем своим поведением, каждым своим поступком активно боролись против официальной государственной идеологии Советского Союза, компро-

метировали и разрушали ее.

Забока при кажущемся своем демократизме, показушной простоте обожал подхалимов, любил подношения и угощения, формировал в руководящих кабинетах перекошенные, искаженные образы собственных подчиненных. Мне лично он подложил свинью, рассказав генералу Титкину, сменившему Ерофеева, о том, что я окончил школу с золотой медалью, а университет – с красным дипломом. Такого генералы не прощают никогда и никому. Я тайну своего золотого дубля тщательно скрывал, однако начальники в конце концов откапывали ее в моем личном деле и с этой минуты начинали косо на меня поглядывать. Я оправдывался, что это, мол, заблуждения юности и от этого ничего не осталось. Все было тщетно.

Единственное, что сохранилось у нашего начальника от опера, так это здоровый цинизм. Он называл вещи своими именами. Всю блатву в округах пронумеровал: вор № 1, вор № 2, вор № 3 или дурак № 1, дурак № 2, дурак № 3 и т. д. и т. п. Эту нумерацию мы активно использовали в разговорах по внутренним телефонам Представительства в целях соблюдения конспирации. Скоро Забокины кликухи дошли до высокого руководства, и нашего шефа за них взгрели, но он моментально свалил все на меня и вышел сухим из воды.

Вором № 1 был веселый генерал с братской Украины, о котором я рассказывал выше. Дурака № 1 как-то привез в багаже из родного Питера сам Василий Тимофеевич и поса-

дил его воеводой в шумном портовом городе на берегу Балтийского моря. Едва успев освоиться на новом месте, дурак начал активно проявлять себя. Он позвонил мне (а я в отсутствии начальника группы исполнял его обязанности) и испуганным голосом сообщил, что в порту на судно под либерийским флагом грузят советскую военную технику, в том числе танки. Для чего предназначалась эта техника, в порту знали все, а дурак не знал. Я для порядка сделал ему замечание: нельзя, дескать, вести служебные разговоры по открытой связи, когда под рукой есть аппарат ВЧ. Затем попросил выяснить у немцев, кто и где собирается воевать на наших танках. Через несколько минут он радостно доложил, что танки и другая техника направляются нашей союзнице – одной из развивающихся стран. Прошло немного времени, и дурак натворил такого, что с ним пришлось разбираться нескольким московским и берлинским комиссиям, в работе которых мне довелось участвовать. Когда комиссии уже свернули свою деятельность, я поехал к нему один, чтобы проверить, как он отреагировал на разносы. Решив свои задачи, отправился домой, в Берлин. Но на выезде из столярного града дорогу моему «Вартбургу» неожиданно преградила «Волга» дурака с немецким шофером. Мы оба вышли на дорогу. Дурак, никчемный, затурканный, бесхребетный человечко с внешностью и повадками героя гоголевской «Шинели», стоял передо мной бледный с трясущимися руками.

– Что случилось? – спросил я.

– Не пишите обо мне плохо, – попросил он.

У меня ком подкатил к горлу, до того стало его жалко. Я пообещал ему, что свою докладную без согласования с ним никому показывать не буду.

Все знают, что Питер – город, где обитает наша интеллектуальная элита. Но мало кто помнит, что в этом городе живут сотни тысяч потомков коллежских регистраторов и титулярных советников, городских, половых и вышибал из дешевых трактиров Выборгской стороны, бандерш бардачных притонов. Как раз эта «братва» с лицами гоголевских и чеховских персонажей правит сегодня бал в России. Именно она, а не интеллектуальная элита, которую у нас в реальную власть никто никогда не звал, косяком приехала в столицу, чтобы потеснить потомков московских лабазников и нэпманов. В двадцатые годы Герберт Уэллс писал, что русское правительство самое интеллигентное в мире по числу прочитанных и написанных книг. Это был российский нонсенс. После смерти Ленина интеллигентов выкинули из Кремля и пустили в расход. Историческая закономерность восторжествовала. Думаю, что России интеллигентный режим понадобится лет через триста, а пока она его просто не поняла бы.

Сегодня кухаркиных детей сменили кухаркины внуки.

Однако вернемся к Забоке. Поначалу он был в большом фаворе у руководства, а потом зазнался и решил, что ему все можно. В Представительстве определенной категории лиц можно было действительно делать все, но только потихонь-

ку, так, чтобы никто не видел. Можно было трахать содержательниц конспиративных квартир из числа наших вольнонаемных девиц, уводить на «заклание» жен своих подчиненных, пить по-черному и т. д. и т. п. Помню, один из наших начальников секретариата любил совершать инспекционные поездки по стране в компании какой-нибудь из хорошеньких машинисток. Хорошенькие машинистки печатают протоколы сверки наличия секретных документов на уровне мировых стандартов. Некрасивая так не сделает. Окружные резиденты относились к этой паре проверяющих с пониманием и поселяли их на одну из конспиративных квартир. Никто не видел, чем они там занимаются. Может, спят, забившись в отдельные комнаты, может, музицируют на фортепьянах, а может, разучивают наизусть стихи великого Гейне:

Юность кончена, приходит
Дерзкой зрелости пора,
И рука смелее бродит
Вдоль прелестного бедра.

Такое было позволено. Нельзя было, упившись, плясать голяком при полной луне в обнимку с чужой женой на берегу озера перед дачей секретаря парткома. А Забока плясал. Правда, у него было смягчающее обстоятельство: рядом тоже нагишом плясал с его женой лучший Забокин друг. После этого мелкого эпизода репутация нашего шефа пошатнулась. Окончательно он погорел на одном конкретном опера-

тивном деле, но мы ведь договорились: о делах – ни слова.

Забоку сменил ленинградец – полковник Юрий Сергеевич Лещёв, мужик во всех отношениях правильный. Вот как бывает: если начальник правильный мужик, то и писать о нем скучно.

Расскажу-ка я лучше о ковре. «Что еще за ковер?» – спросит читатель. Ковер этот имел славную историю. В начале века персидский шах подарил его кайзеру Вильгельму. Потом он лежал в приемных канцлеров Ваймарской республики, во времена фашизма – в рейхсканцелярии, в приемной Гитлера, с 1945 года – у нас в приемной руководителя Представительства. Ковер был огромен и великолепен. На фоне естественной небесной голубизны цвели чудесные цветы, летали диковинные птицы. Такие персидские ковры ручной работы живут века. Один служивший у нас азербайджанец, который знал фарси, перевел мне надписи, вытканные на ковре, после чего сказал:

– Я бы отдал за него все, заработанное тут за пять лет.

– И что бы ты с ним делал? – поинтересовался я.

– Продал бы умным людям, а на вырученные деньги построил бы трехэтажную дачу на берегу Каспия, машину купил бы хорошую и безбедно прожил бы остаток жизни, не работая.

Однажды ковер исчез. Вместо него на пол приемной положили модный, но дешевый ширпотреб. Хозяйственники утверждали, что ковер шахиншаха пришел в ветхое состоя-

ние. Пришлось сжечь его по акту и заменить новым. Никто не видел, как огромный ковер горел, окруженный высоким облаком вонючего желтого дыма. Выходит, его сперли прямо из-под носа руководства. Читатель может спросить: для чего ты, Ростовцев, все это рассказываешь? Отвечу! Да все для того же.

Но вот уехал Василий Тимофеевич Шумилов и на смену ему пришел генерал Титкин, последний наш главный шеф, которому предстояло похоронить Представительство и вогнать в его могилу осиновый кол. Я благодарю судьбу за то, что мне не довелось при этом присутствовать. Я уехал на родину за два года до крушения ГДР.

Новый шеф Представительства был хорошо известен в разведке, но, в отличие от Ерофеева, его известность носила минусовый знак. За ним тянулся хвост крупных провалов. Им была провалена наша резидентура в одной из европейских столиц, он оказывал покровительство знаменитому на весь мир предателю, чьи книги, написанные их автором в тесном содружестве с английской разведкой, теперь продаются у нас в каждом подземном переходе. От полной катастрофы его всякий раз спасали какие-то могущественные покровители, и он возникал на новом месте в новом, более высоком качестве.

Я хорошо помню, как начальник административного отдела ЦК КПСС, опустив глаза долу, представлял Титкина нашему коллективу, заполнившему до отказа просторный клуб

Представительства. «Не стану скрывать, – говорил он, – что привез вам руководителя со строгим выговором, однако надеюсь, что тут его организаторские способности раскроются в полной мере и этот выговор вскоре будет с него снят по заслугам”. Титкина посадили сперва на должность первого зама Василия Тимофеевича, а после отъезда последнего он автоматически занял кресло Шумилова.

У меня от Титкина остались самые гадкие впечатления не только потому, что у него была неприятная внешность: огромная его голова, похожая на продолговатую кормовую тыкву с отверстиями для глаз и рта, давала повод для появления в рабочих тетрадях сотрудников десятков веселых карикатур. Нет! Дело вовсе не в голове. У нашего нового начальника был препоганый характер – капризный, своенравный, непредсказуемый. Из Титкина так и перли спесь, чванство, презрение к нижестоящим. Уязвить, унижить человека для него было высшим наслаждением. А ведь он когда-то при­топал в город из дальней карельской деревеньки и рода был отнюдь не княжеского. Он принадлежал к новой советской аристократии, которой выпала историческая миссия разрушения великой Российской империи.

Говорят, что Титкин был креатурой Крючкова. А что Крючков? Умный, хитрый, осторожный, взвешенный, он семь раз отмеривал, прежде чем отрезать, и в конце концов перехитрил самого себя – в 1991 году его арестовала кучка проходимцев, в то время как он имел под рукой, в Москве,

сто тысяч вооруженных чекистов. Партаппаратчик Крючков не был способен на поступок, именно поэтому могильщик Советского Союза Горбачев и доверил ему охранку. Ведь, как сказал Наполеон, стадо баранов, предводительствуемое львом, опаснее, чем стадо львов, предводительствуемое бараном. При всей своей проницательности Крючков и в людях-то не разбирался: вокруг него вечно вертелось немало личностей недостойных.

Но вернемся к Титкину. Я хочу привести только один пример, характеризующий стиль его работы. Сидел я однажды в приемной руководителя Представительства в роли дежурного офицера. Сидел – никому не мешал. Вдруг позвонил Титкин от министра МГБ ГДР и приказал мне срочно связаться с приемной председателя КГБ в Москве и сказать дежурному офицеру, что с председателем хотел бы поговорить Мильке. Если председатель не занят, то немедленно. Я быстро исполнил это указание. Через минуту снова позвонил Титкин и сказал, что Мильке, кажется, раздумал говорить с председателем.

– Что же теперь делать? – спросил я. – Ведь ваше предыдущее указание уже выполнено.

– Кто вас просил выполнять мое указание столь быстро? – напустился на меня Титкин.

Потом он сказал мне еще много «теплых» слов. Просто разряжался об меня, зло сгонял. А через полчаса, явившись на работу, устроил мне форменный разнос.

Правы старые служаки, постоянно повторяющие заповедь: «Не спеши выполнять указание начальника, ибо он все равно его отменит».

Между прочим, разряжаться о подчиненных любят многие генералы, что им даже рекомендуют холуйки-врачихи из их генеральской терапии. Говорят, что это, мол, спасает от инфаркта. Но ведь у подчиненных тоже есть сердце и нервы.

У меня с Титкиным были сложные отношения. Он то вынашивал идею о моем откомандировании, то осыпал меня милостями. Аттестацию мне написали очень хорошую. Писал ее, правда, Лещёв, но Титкин-то с текстом согласился. В качестве недостатка мне указали, что я слишком категоричен в оценках людей. Это уж точно. Умного я всегда называл умным, порядочного – порядочным, дурака – дураком, подлеца – подлецом.

Последний начальник разведки ГДР, генерал Гроссман, в своей книге «Бонн под колпаком» не скупится на резкие и даже оскорбительные выражения в адрес Крючкова и Титкина, предавших, по его мнению, гедеролевских чекистов. Оценки Гроссмана, по сути, совпадают с моими.

В трагические дни 1989 года, когда в ГДР уже всё разваливалось, Титкин с благословения своих могущественных покровителей практически сбежал из Берлина. Вскоре он вынырнул на Лубянке...и снова с повышением в должности: стал одним из руководителей КГБ СССР. Разгрести оставшийся после него в Берлине «мусор» пришлось другому ге-

нералу, который достойно с этим справился.

Вот и закончил я повествование о своих «германских» начальниках. Однако кое-где еще надо поставить точки над «и».

Хотелось бы подчеркнуть, что в структурах Представительства эпохи распада и разложения советского общества пропасть между начальниками и подчиненными продолжала углубляться. Это особенно четко проявлялось в Берлине, и прежде всего в материальной сфере. Я вовсе не имею в виду зарплату. Она и не должна быть одинаковой у всех. Я имею в виду совсем другое.

Все сотрудники Представительства были поделены на четыре категории: «А», «Б», «В» и «Г». Поясняю, что это означало на практике.

Категория «А» (руководство Представительства). Генералы жили на виллах, обставленных прекрасной мебелью и оборудованных бытовой техникой, среди хрусталя и тонкого фарфора. Жили по советским понятиям в роскоши.

Категория «Б» (руководители отделов, их заместители и офицеры связи). Жили на виллах или в очень хороших квартирах, хорошо обставленных, тоже с посудой, но попроще.

Категория «В» (руководители низшего звена и оперсостав). Жили в современных домах с удобствами, обставленных скромно, но со вкусом. Жили нормально.

Категория «Г» (вольнонаемные – шоферы, секретарши и др.). Жили в старых домах, часто с печным отоплением, в

квартирах, обставленных весьма скромно. Жили неважно. Категория «Г» часто давала поводы для невеселого зубо-скальства в связи со своим некрасивым наименованием.

Начальство утверждало, что поделили нас на категории немцы. Я в это не верю. Друзья, как правило, выполняли любые наши просьбы. И если бы руководство отказалось от такой градации, то друзья наверняка не стали бы ее поддерживать. И дело ведь было не только в квартирах и мебели. Категории «А» и «Б», убывая на родину, могли купить за символическую цену и увезти с собой понравившиеся им вещи. Категория «В» тоже могла купить кое-что из старой мебели.

Категории «А» и «Б» лечились в знаменитой клинике «Шаритэ». Остальные – в нашем военном госпитале. Впрочем, в отдельных тяжелых случаях в «Шаритэ» с разрешения руководства попадал и кое-кто из категории «В». Получить разрешение было непросто. Помню, как наши военврачи вскрыли одному оперработнику грудную клетку и не могли сообразить, что делать дальше. Пришлось срочно пробыть разрешение на приглашение профессора-немца. К счастью, все обошлось. Немец поспел вовремя и спас человека. В другом случае оперработнику в одном из округов срочно потребовалась операция с трепанацией черепа. Берлинское начальство запретило ему ложиться к немцам. Тогда я позвонил в округ и разрешил сделать это под мою ответственность. Вот живет сейчас этот парень в своем Пятигорске и не знает, кто спас ему жизнь.

Категории «А» и «Б» не ездили домой в поездах. Они летали самолетами и не простыми бортами, а спецрейсами. Чаще всего это был личный самолет Хонеккера, который довольно часто гоняли порожняком в Москву, чтобы экипаж не забыл дороги в столицу великого восточного брата. Таким спецрейсом можно было провезти в обе стороны хоть по тонне груза без всякого досмотра. Как-то один из офицеров связи не попал на спецрейс, и ему пришлось лететь самолетом то ли «Аэрофлота», то ли «Интерфлюга». Простой таможенный досмотр он воспринял как грубое личное оскорбление, и его хватил инфаркт.

Категория «А» и часть категории «Б» раскатывали по Берлину на иномарках, которые приобретались за валюту в западной части города, а это было уже совсем ни к чему. Кто-то должен был напомнить генералам, что в то время как для них покупаются за огромные деньги «Мерседесы» и «Вольво», где-то в российской глубинке в деревне Сосновке у какой-нибудь бабы Ньюши не хватает трешки на хлеб и керосин. Наверное, это должен был сделать секретарь парткома. Однако тот сам хотел ездить на «Мерсе».

Я не стану перечислять всех прелестей жизни лиц двух первых категорий. Это заняло бы чересчур много места. Глупые жены начальников постоянно подчеркивали и выпячивали свою принадлежность к «элите». Одна смазливая бабенка, работавшая операторшей на ЭВМ, выскочила замуж за овдовевшего офицера связи. Через пару недель она выда-

ла своим бывшим подружкам: «А ведь мы люди совсем иного сорта, нежели вы». Эту идею ей, конечно, внушил муж, она просто ее принародно озвучила. Впрочем, одна наша послиха в Африке примерно в то же самое время выразилась куда более определенно, заявив на одном из локальных посольских торжеств:

– Все вы тут говно, кроме моего мужа и меня!

В 80-х годах в Берлине было в моде слово «уровень». Представители высших категорий постоянно ставили на место нижестоящих. «Это не твой уровень», – говорили они. Однажды я встретил на улице своего старого приятеля по галльскому периоду Дитера Раймана, который сделал хорошую карьеру и занял высокое положение в МГБ ГДР. Дитер обнял и расцеловал меня, после чего позвал в гости с женой. Я поплелся за разрешением к какому-то из генералов.

– Да ты в своем уме! – возмутился тот. – Это же не твой уровень! С ним Василий Тимофеевич в сауне моется! Не могли даже думать про такое. Ступай.

Я не стал возражать, что, дескать, Василий Тимофеевич моется с переводчиком, а Дитер хочет пообщаться со старым другом без посредников, и смиренно покинул кабинет генерала. Во времена моей молодости нравы были попроще, и мы сами решали, с кем из немцев нам дружить. Мой сосед, начальник галльского окружного управления МГБ, заходил ко мне в гости в тапочках. Когда Дитер позвонил мне и стал снова приглашать меня, я сказал:

– Перестань ходить в баню с моим шефом, и тогда мы снова будем друзьями.

Он все понял, расхохотался и больше меня в гости не звал.

Нельзя не отметить того факта, что коллектив Представительства состоял практически из одних коммунистов. Что же это за партия такая, если она поделена на категории, уровни, а если называть вещи своими именами, то на касты?! Кастовость была присуща всему советскому обществу на последних этапах существования красной империи. То же самое мы наблюдаем и сегодня, причем дистанция между «элитой» и «быдлом» увеличилась в десятки и сотни раз. Но сегодня-то законы джунглей стали у нас чуть ли не официальной государственной идеологией. Во всяком случае, эти законы славят и воспевают вся пропагандистская машина. Вот люди и думают: «Раз человек человеку волк, что ж теперь поделаешь? Надо сидеть и сопеть в две дырочки, ну можно еще Богу помолиться». Прежде пропаганда, напротив, галдела с утра до вечера о том, что человек человеку друг, товарищ и брат. Но в жизни люди постоянно сталкивались с двойными стандартами, ханжеством и ложью. Это всех бесило, и в конце концов страна вышла из берегов, уничтожив саму себя.

Геракл задушил Антея, оторвав его от матери-земли, которая давала Антею силу. Советскую и партийную верхушку от народа никто не отрывал. Она сама это сделала. Она сама вырыла могилу себе и стране.

Читатель может сказать: «Что-то ты, Ростовцев, больно

громко шумишь против режима, который тебя в люди вывел, видно, хочешь выслужиться перед новой властью, деньгу зашибить». Мне уже не нужны деньги, ибо если считать жизнь шагреновой кожей, то у меня остался лоскуток, который можно накрыть наперстком. Напоминаю, что тот режим лишил меня отца, сгинувшего в Гулаге. И все-таки я скорблю о несостоявшемся «рае на Земле» и оплакиваю великие идеи свободы, равенства и братства всех людей, втоптаные в грязь мерзавцами. Рыночные ценности не приемлю. Мне ближе первобытный коммунист Иисус, который изгнал торговцев из храма и приказал богачам дорогу в Царство Божие. В моих книгах – горестная история моего разрушенного предателями Отечества. Я пишу эту книгу в назидание потомкам...

В прошлом году я встретил в нашей ведомственной поликлинике Тавловского. Тогда ему было восемьдесят два. Он мне обрадовался, долго тряс мою руку, поинтересовался, как меня зовут. Я попробовал поговорить с ним, но тут же убедился, что это совершенно безнадежная затея: он был глух, как пень. Так ему и не удалось узнать, кто же я такой.

Шагала видел совсем недавно. Ему восемьдесят четыре. Он крепок и свеж, как огурец на утренней зорьке. Больше шестидесяти ему не дашь. Меня не узнал, поскольку я очень сильно изменился за долгие годы нашей с ним разлуки. Встретив его, вспомнил одну смешную историю, связанную с ним. В 1982 году его дочь, проживавшая тогда в Берлине,

родила сына. Через несколько недель после этого радостного события Шагал уже стоял у колыбели внука. Устроил себе за казенный счет месячную командировку в ГДР. Когда пришла пора получать командировочные, он явился к проходной Представительства и почему-то позвонил в нашу группу с просьбой допустить его до кассы. Я заполнил пропуск и пошел подписывать его к Ерофееву. Генерал в ужасе замал руками.

– Ни в коем случае. Я знаю, что он хочет проситься к нам на работу. Нельзя допускать его до Василия Тимофеевича. Надо вынести ему деньги за шлагбаум и пускай идет восwoяси.

Так и сделали.

Титкин на пенсии, но до сих пор работает на каком-то из наших объектов по вольному найму. Выступает с пространными и подобострастными воспоминаниями о нынешнем президенте России, который в свои молодые годы служил в Дрезденской резидентуре Представительства. Полагаю, что воспоминания эти почерпнуты из мемуаров самого президента. Не думаю, чтобы Титкин его помнил. Он рядовых исполнителей, тем паче с дальней периферии, в упор не видел. Это был не его уровень.

В моем очерке читатель встретил немало персонажей, которых нельзя было подпускать к разведке на пушечный выстрел. Как же они все-таки в нее попали да еще и неплохую карьеру сделали? Прежде всего, это кадровый брак, недоста-

точно глубокая и основательная проверка кандидатов. В органах вообще сложилась парадоксальная ситуация: будущую агентуру проверяли куда более тщательно, чем будущих чекистов. Конечно, в разведке и блатвы было немало. Тут уж кадровики ни при чем. Им звонили – они брали. А потом все изумлялись тому, откуда берутся предатели.

Мои дорогие друзья-разведчики один за другим покидают этот мир. Я устал хоронить их, да и мне самому пора собираться. Все мы были намного моложе наших начальников и не доживем отпущенных нам лет только потому, что имели несчастье служить под их знаменами. Я лично впервые почувствовал, с какой стороны у меня сердце, в Галле после одной из «душевных» бесед с Тавловским...

А закончить эту главу мне хотелось бы словами Вольтера: «Если бы люди только знали, какие ничтожества ими управляют!»

Коллеги и я сам

В одном из укромных уголков нашего разведывательного комплекса в Ясенева стоит невысокая беломраморная стена. Когда-то на ней было прописано золотом: «Чекистам-разведчикам, отдавшим жизнь за коммунизм». Говорят, теперь «коммунизм» заменили «Отечеством». Наверное, это правильно. Отечество непреходяще.

Все герои разведки известны поименно. Для того чтобы увидеть их лица и узнать их имена, достаточно посетить музей разведки все в том же Ясенева. Но есть один, самый главный герой, которого никто не знает в лицо и чье имя никому не известно. Я имею в виду рядового оперативного сотрудника разведки – агентуриста, без которого разведки быть не может, как не может быть армии без солдата. Запомни только одну цифру, читатель: средний возраст оперативного сотрудника разведки – сорок семь лет. Адский его труд, рвущий нервы и укорачивающий жизнь, дает ему право на памятник. Я не знаю, каким будет этот памятник, но вижу надпись на цоколе: «Неизвестному оперу разведки, посвятившему жизнь делу служения России». И пусть никогда не угаснет Вечный огонь у этого памятника!

Я не знаю, чем ты занят сейчас, дорогой читатель. Может, в любимую работу погружен, может, обедаешь, может, телевизор смотришь, может, ласкаешь волосы милой твое-

му сердцу девушки, а может, размышляешь о том, как покрепче напакостить партнеру по бизнесу. Я прошу тебя только об одном: найди время, оторвись на секунду от любого из твоих занятий и вспомни, что в эту самую секунду по всей огромной периферии планеты нашей, да и в околоземном пространстве, идет бесшумная, но жестокая и никогда не прекращающаяся борьба, в которой сталкиваются геополитические интересы десятков стран и сотен народов. Главное действующее лицо в этом противоборстве – офицер разведки со своей агентурой и доверительными связями. Задача каждого из них – добыть информацию, которая позволила бы нейтрализовать замыслы противника и нанести ощутимые удары по позициям атакующего или же изготовившегося к атаке врага. Как это ни печально, мир еще далек от состояния гармонии. И может случиться так, что если опер российской разведки в какой-то точке земной или водной поверхности не справится сегодня с поставленным ему заданием, то у тебя, читатель, через пару лет уже не будет возможности заняться любимым делом, отведать шницеля по-венски, посмотреть привычную передачу по телеку, погладить волосы милой твоему сердцу девушки и даже напакостить партнеру по бизнесу. Да и тебя самого, возможно, не будет. Не верь мошенникам пера и эфира, утверждающим, что у России нет врагов. У России нет друзей. Вот где истина. По всему по этому я прошу тебя, россиянин, не тащить-ся впредь от героев импортных шпионских боевиков, а от-

нести́сь со всей серьёзностью и участием к тому, что я напишу ниже. Итак, вернемся к оперу разведки, который в этот самый миг, всматриваясь в мутное молоко тумана, крутит баранку где-нибудь а Австрийских Альпах, или прикорнул у окна одного из вагонов Восточного экспресса, или прогуливается с очаровательной дамой по палубе трансатлантического лайнера, или пристегивает ремни, готовясь к посадке в аэропорту Сингапура, или, вырядившись в бурнус паломника, трясется на верблюде по горам Гиндукуша, или...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.